

Под прицельным огнем...

После смерти Анатолия Трапезникова, ветерана Великой Отечественной войны, Анна Дмитриевна нашла записи своего супруга о военном лихолетье. Анатолию в 1941 было десять лет.

В руках у Анны Дмитриевны несколько рукописных страниц воспоминаний мужа. Прищурившись, водя указательным пальцем по пожелтевшему листку, чтобы не сбиться со строчки, иногда запинаясь, замолкая на минуту, чтобы унять накатывающиеся на глазах слезы, дать пояснение написанному, женщина читает записи:

"... Я, Анатолий Владимирович Трапезников. Мое военное детство прошло в Смоленской области, где развернулись знаменитые сражения Великой Отечественной войны. Деревня наша, Клетки, располагалась в треугольнике между Ельней, Вязьмой и Дорогобужем на расстоянии 40-50 километров от каждого поселения. Поэтому в течение полутора лет мы находились в районе непрерывных боев то по одному, то по другую сторону фронта. Сражения шли ожесточенные, за каждый населенный пункт боролись насмерть. Были деревни, которые переходили из рук в руки десятки раз.

В 1941 году мне было десять лет. В Клетках жила вся моя семья: мама Наталья Антоновна, отец Владимир Александрович, бабушка Анисья Федоровна, два брата - Слава и Олег, сестра Рита. С началом войны отца забрали на фронт, а нам пришлось пережить две оккупации.

Особенно ужасна вторая. Мы жили в постоянном страхе, в ожидании выстрела в спину. Фашисты, обозленные неудачами на фронте, сопротивлением местного населения, устанавливали свои порядки. В деревне свирепствовали карательные отряды, людей убивали сотнями, сжигали заживо. Мама прятала нас в землянках. На одном месте мы долго не засиживались. Чтобы спастись от смерти, убегали в соседние деревни, скрывались в лесу.

В Клетках сожгли заживо 208 человек. По чистой случайности наша семья избежала этой участи. Вечером во время очередной облавы мама попросила знакомую схорониться в ее землянке. Таких, как мы, было много, у хозяек жилища все

места уже были заняты. Деваться нам было некуда, бросились в лес. Немцы гнали детей, женщин и стариков, те кричали и ревели, в ответ раздавались пулеметные очереди. Кого не успели расстрелять, фашисты загнали в сарай, а потом подожгли.

Утром к уже обугленному сараю добрались советские войска. Они не успели чуть-чуть. После пожара уцелили только трое.

Кругом царил голод, пылали бесконечные пожары, людей косил тиф. Вымирали целыми селами - и никакой медицинской помощи. Детям, чтобы незаметно добыть зеленый колосок или картошку, приходилось, захватив дыхание, ползти по полу мимо немцев, но те, заметив движение, не раздумывая, расстреливали в упор. От голода умерли моя бабушка Анисья Федоровна и совсем еще маленький братик Олежка.

После снятия оккупации живых в нашем районе осталось 16 675 человек из 29 381. Погиб фактически

каждый второй. Эти цифры, разумеется, я узнал позже, когда стал взрослым и стал интересоваться хроникой Великой Отечественной войны, но они лишь сухо подтверждают то, что я видел собственными глазами и что пережил".

Дочитав последние строки, написанные ветераном, вздохнув, Анна Дмитриевна произнесла:

- Через всю свою жизнь муж пронес воспоминания об ужасах сражений: детские и более поздние, когда сам участвовал в войне с Кореей. Неудивительно, почему его интересовала эта тема. Он много читал военных книг, собирая свойственный архив, делал выкладки, чертежи. На одном из занятий с ребятами, а он работал в горном техникуме, преподавал электромеханические дисциплины, Анатолий Владимирович рассказывал им о своем военном детстве. Потом, видно, решил записать свои воспоминания для потомков. Пусть знают правду.

Д. БОРИСОВА.

Фото из семейного архива.

